

Станислав
Васильевич
ТЮТЮКИН

Избранные труды

2022-7
8862

а

Станислав Васильевич Тютюкин

Избранные труды

СОБРАНИЕ

Москва • 2022

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	5
---------------------------	---

Раздел первый

Теоретические и методологические проблемы

К вопросу о «революционном шовинизме» в годы Первой мировой войны	9
К истории создания статьи В.И.Ленина «О лозунге Соединенных Штатов Европы»	23
Гегемония пролетариата на буржуазно-демократическом этапе революцион- ного движения в России: к теории и историографии вопроса.	48
Трудные дороги российской модернизации. Выступление на круглом столе «Власть и реформы в России»	63
Россия XIX — начала XX в. и вызовы времени	69

Раздел второй

Общественная мысль и социальные движения в России

Международное значение революции 1905–1907 годов: ленинская концепция и историография проблемы	105
Феномен массовых социальных движений	126
Реформы и революция 1905–1907 гг.	171
Последний шанс императорской России	179
Попытки либерализации самодержавного строя в России	185
Россия в царствование Николая I	193
Социал-демократическая модель общественного переустройства России	201
1905 г.: борьба за демократизацию России или «премьера русского абсурда»?	271
Россия: от Великой войны — к Великой революции	278
Начало Первой мировой войны и российская государственность	319

Раздел третий

Политические партии в России

«Оппозиция Его Величества» (партия кадетов в 1905–1917 гг.)	331
Меньшевики	361

СОДЕРЖАНИЕ

Меньшевизм как идейно-политический феномен	374
Рождение российской многопартийности	395
Социалистические партии России в годы Первой мировой войны	417

Раздел четвертый Биографии

Страница биографии Г.В.Чичерина (1914–1917 гг.)	457
Г.В.Плеханов	476
Лев Давидович Троцкий	520
Ленин и Бухарин: леворадикальное крыло марксизма в период Первой мировой войны	561
Ю.О.Мартов	574
Сергей Юльевич Витте и революция 1905–1907 гг. в России	587
Интеллект, побежденный властью: Александр I и М.М.Сперанский. Из материалов по проблеме «Власть и интеллект в императорской России»	594
Больше, чем любовь. (Граф Николай Шереметев и крепостная актриса Прасковья Ковалёва-Жемчугова)	606
Г.В.Плеханов и В.И.Ленин: штрихи к политическим портретам	620
Георгий Валентинович Плеханов	625
Александр Керенский: на пути к власти	653
Г.В.Плеханов и его так называемое «политическое завещание». (К 150-летию со дня рождения «отца русского марксизма»).	668

ПРИЛОЖЕНИЕ Воспоминания

И.Х.Урилов. Вновь и снова	676
И.М.Пушкарева. «Развивая идеи и дух просвещения, гуманизма и прогресса...»: С.В.Тютюкин и Дом Плеханова Российской национальной библиотеки	677
Г.З.Иоффе. Один из лучших историков нашего поколения	681
Ёсиро Икэда. Историк эпохи коренного перелома	682
В.Н.Казарин. Станислав Васильевич Тютюкин как ученый-педагог: страницы воспоминаний и ретроспективный анализ.	684
В.Ю.Карнишин. Становление историка и исследования Станислава Васильевича Тютюкина (частные заметки)	696
В.Л.Телицын. Что я помню	699
К.Н.Морозов. Воспоминания о С.В.Тютюкине	703
И.С.Удальцов. О сделанном и предстоящем	707
И.С.Удальцов. Станислав Васильевич Тютюкин. Краткий очерк биографии	713

Георгий Валентинович Плеханов¹

В предлагаемой вниманию читателей книге собраны несколько наиболее значительных и интересных работ выдающегося русского мыслителя и политического деятеля конца XIX — начала XX в. Г.В.Плеханова (1856–1918) по методологии истории, которую часто называют историософией. Для марксиста Плеханова это был исторический материализм, который он считал единственным подлинно научным подходом к анализу исторического процесса, роли в нем различных социальных слоев и отдельных личностей.

Плеханов по праву считается родоначальником русского марксизма. Он одним из первых стал транслировать основные идеи К.Маркса, Ф.Энгельса в Россию, стремясь при этом адаптировать их к специфическим условиям российской действительности конца XIX — начала XX в. И хотя сегодня многие склонны объявлять марксизм своеобразной «бесовщиной», примитивной, вульгарной и полностью дискредитировавшей себя социологической теорией, он по-прежнему сохраняет свою привлекательность в глазах многих людей, а знакомство хотя бы с главными его положениями полезно для каждого культурного человека.

Было бы неверно целиком и полностью отождествлять марксизм с практикой социалистического строительства в СССР и ряде других стран Европы, Азии, Африки и Латинской Америки, в истории которого в XX в. было немало темных и отталкивающих страниц. И хотя марксистская социология, как и любая другая социологическая доктрина, не может претендовать на универсальность, многие ее коренные положения (соотношения социально-экономического «базиса» и политической и духовной «надстройки»; деление общества на отдельные, часто вступающие в борьбу между собой социальные слои и группы; возможность таких «скачков» в общественном развитии, как социальные, политические и национальные революции, и др.) способны и сегодня хотя бы частично объяснить нам то, что происходило и происходит в мире.

Сейчас, в начале XXI в. марксизм уже настолько изменился по сравнению с временами К.Маркса и В.И.Ленина, что наивно говорить, например, о всемирно-исторической роли пролетариата как класса, призванного принести счастье всему человечеству, или повторять, как заклинания, наполненные некогда глубоким смыслом слова о диктатуре пролетариата, или о мировой антиимпериалистической революции У всех еще свежи в памяти

¹ Опубл.: Тютюкин С.В. Георгий Валентинович Плеханов // Плеханов Г.В. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 5–40.

воспоминания о советском тоталитаризме, ГУЛАГе, сталинских репрессиях и многих других драматичных событиях этого же исторического ряда, повторения которых не хочет ни один здравомыслящий человек. Но значит ли это, что весь негатив коммунизма был заложен уже у Маркса, Энгельса и их ученика Плеханова?

Конечно, нет. Действительно, в годы советской власти и особенно в период сталинизма марксистское учение было очень сильно догматизировано, вульгаризировано и искусственно остановлено в своем развитии. И этому нет никакого оправдания. Но тем важнее обратиться сегодня к более ранним страницам истории марксизма и, в частности, к жизни и творчеству такого яркого и, бесспорно, выдающегося его представителя, как Плеханов, которого даже многие современные критики коммунизма заметно выделяют в лучшую сторону среди других теоретиков этого учения. Выделяют за его выдающиеся ментальные достоинства, эрудицию, высокую общую и политическую культуру и не в последнюю очередь за его противостояние теории и практике ленинизма и большевизма. При этом начать, видимо, нужно с основных вех человеческой, интеллектуальной и политической биографии Плеханова, многие факты которой замалчивались в советский период нашей истории из-за его острой полемики с Лениным, а ныне считаются уже «неактуальными» из-за приверженности «отца русского марксизма» идеям социализма и коммунизма.

Георгий Валентинович Плеханов родился в деревне Гудаловка на Тамбовщине в ноябре 1856 г. в небогатой и многодетной дворянской семье потомственных военных. Сама фамилия Плехановых красноречиво говорила об их татарских корнях, да и в чертах лица Георгия Валентиновича и в его характере — вспыльчивом, самолюбивом и властном было что-то восточное. Его отец участвовал в подавлении польского восстания 1830–1831 гг., потом перешел на гражданскую службу, а затем оставил и ее. Напомним, что рубеж 1850–1860-х гг. был в России временем перехода от эпохи крепостного права к эпохе новых, буржуазных отношений, когда, по образному выражению Л.Н.Толстого, все в России «перевернулось» и только-только начинало «укладываться». Это сказывалось и на материальном положении многих помещичьих семей, и на их социальном самочувствии, и на отношениях с формально равными им теперь крестьянами, с детьми которых Жорж Плеханов играл в свои детские годы.

Ангелом-хранителем семейного очага была вторая жена хозяина дома Валентина Петровна Плеханова Мария Федоровна Бельнская. Она окончила в Тамбове Институт благородных девиц, потом служила гувернанткой в нескольких дворянских семьях, где ее и приглядел будущий муж. Долгое время бытовала версия о родстве Марии Федоровны с В.Г.Белинским, в которую верила и она сама. Но в последние годы после тщательного изучения архивных материалов эта легенда была опровергнута, что ни в коей мере не умаляет, однако, реальных достоинств Марии Федоровны. Она была умна, образованна, добра, любила детей. Ее душевная тонкость, умение ценить все прекрасное, сострадание к простым людям труда, несомненно, передались и

старшему сыну Георгию. Его всегда отличали внешняя и внутренняя культура и даже какой-то аристократизм, давший позже рабочим-революционерам повод называть его «наш барин». Мать не препятствовала сближению сына с крестьянскими детьми и часто заступалась перед мужем за их провинившихся в чем-то родителей, которых Георгий с ее подсказки тоже просил отца не наказывать.

По семейной традиции и по желанию самого мальчика он в 1868 г. был отдан в Воронежскую военную гимназию (где хорошо преподавали и литературу), а осенью 1873 г. его приняли в Константиновское артиллерийское военное училище в Петербурге. Несколько ранее его окончил и любимый сводный брат Георгия Митрофан, ставший затем слушателем Николаевской академии Генерального штаба и заботливо опекавший в столице юного Плеханова. Однако сама атмосфера столичной жизни с ее студенческим нигилизмом, многочисленным рабочим людом, демократической и либеральной печатью и с перспективой превращения со временем каждого интеллигентного молодого человека — неважно, штатского или военного — в один из «винтиков» враждебной народу самодержавной системы очень быстро вызвали у Георгия желание поскорее расстаться с военной службой. В итоге уже в конце того же 1873 г. он был отчислен из училища по собственной просьбе и вернулся к матери в Гудаловку, где она по-прежнему жила после смерти мужа.

Осенью следующего, 1874 г. 18-летний Георгий Плеханов выдержал вступительные экзамены в очень престижный тогда столичный Горный институт (конкурс составлял три человека на место), причем вскоре получил именную Екатерининскую стипендию как способный, но нуждающийся в материальной помощи студент. Однако ему не суждено было сделать инженерную или научную карьеру, тем более что брат Митрофан был переведен на службу в Киев, и Георгий оказался один на один с бурной студенческой жизнью, где царили тогда атеизм, демократические идеи и чувство солидарности с теми товарищами, которые весной и летом 1874 г. ушли «в народ».

Освобождение в 1861 г. крестьян от крепостной зависимости при всем поистине историческом значении этого акта не сняло социальной и политической напряженности в России. В стране оставались многочисленные пережитки крепостничества, сохранялась страшная земельная нужда миллионов крестьян и огромная нищета всего народа, а стремительно вторгавшиеся в жизнь россиян буржуазные отношения и нараставшие с каждым годом конфликты между трудом и капиталом, отсутствие элементарных гражданских свобод и давно ставшее традиционным сословное, конфессиональное и социокультурное неравенство людей превращали пореформенную Россию в настоящий пороховой погреб, который рано или поздно должен был взорваться. Великие реформы 1860–1870-х гг. разбудили российское общество, но они требовали своего продолжения и углубления, а этого, как известно, не произошло. И тогда за дело взялось молодое поколение интеллигенции и, прежде всего, студенчество.

Это движение, в котором была и ярко выраженная революционная струя,

и гораздо более умеренное, действовавшее чисто легальным путем крыло, получило название народничества. В основе его лежало горячее сочувствие образованного меньшинства общества простым людям труда, чувство долга и даже некоторой вины интеллигенции перед теми, кто, в конечном счете, дал ей возможность приобрести знания, а также стремление к радикальному решению аграрного и рабочего вопросов. Лозунгом народников стал девиз «Земля и воля — народу», закрепленный и в названии оформившейся в конце 1876 г. одноименной революционной организации. Идеологами народничества выступали А.И.Герцен, Н.Г.Чернышевский, П.Л.Лавров, М.А.Бакунин и П.Н.Ткачев.

Что касается Герцена, то он вначале питал еще иллюзии относительно реформаторских потенций самодержавия, связывая их с просвещенным, гуманным и либеральным по своим внутренним убеждениям императором Александром II. Однако горькое разочарование в ограниченности его реформ стоило Герцену больших душевных мук и вновь направило его мысли в революционное русло. Герцен одним из первых увидел в крестьянской общине реальную базу для перехода России к новому социальному строю, основанному на началах равенства, справедливости и коллективизма. Чернышевский, избежав многих либерально-монархических иллюзий Герцена, активно поддерживал его идею крестьянского общинного социализма и возлагал также большие надежды на производственные ассоциации рабочих и других городских тружеников.

Но наиболее популярной у молодежи 1870-х гг. была идея Бакунина о полной готовности народа к всероссийскому бунту против самодержавной власти. Помочь превратить эту скрытую потенциальную протестную энергию крестьян и рабочих в реальный социальный взрыв и должна была революционная молодежь. При этом на смену самодержавию, по мысли анархиста Бакунина, должна была прийти федерация свободных самоуправляющихся общин, живущих по законам равенства всех людей и социальной справедливости. Главной движущей силой будущего переворота Бакунин и его последователи считали крестьянство. Помещичья земля подлежала передаче крестьянским общинам, а фабрики и заводы — рабочим ассоциациям. Иначе говоря, в планах Бакунина полная демократизация России должна была произойти одновременно с радикальной перестройкой всех ее общественных отношений на социалистических началах. Это был настоящий бросок в анархическое царство полной свободы и безгосударственности, причем Бакунину уже виделись некие Соединенные Штаты всей Европы, перестроенные революционным путем на основе тех же принципов.

Наиболее образованный из всех идеологов народничества Лавров считал, что России еще предстоит пройти этап серьезной подготовки к революционному взрыву. Он подчеркивал роль планомерной революционной пропаганды (в отличие от ставки бакунистов на агитацию в народных массах) и придавал особое значение созданию революционной социалистической партии как необходимого элемента подобной подготовительной работы. Наконец, Ткачев, достаточно скептически относившийся к революционным

потенциям темных и неорганизованных народных масс, всячески подчеркивал значение тайной заговорщической деятельности революционной партии и ее вожаков, считая, что без этого успех революции в России невозможен. Ведь нужно было успеть осуществить ее до того момента, как крестьянская община под влиянием развития буржуазных отношений придет к своему полному разложению и перестанет быть первичной ячейкой будущего социалистического общества. Взгляды Ткачева оказали несомненное влияние на будущих народолюбцев конца 1870 — начала 1880-х гг., а позже — на эсеров и большевиков.

Общим для всех идеологов народничества было их глубокое убеждение в возможности некапиталистического развития России. С учетом негативно западного опыта периода первоначального накопления капитала и колоссальных издержек, связанных с применением наиболее грубых, жестоких и бесчеловечных методов капиталистической эксплуатации, народники надеялись своим «прыжком в социализм» резко сократить в России число жертв и антигуманных последствий исторического прогресса. При этом наиболее быстрый успех, казалось, сулил на этом пути бакунизм, и поэтому нет ничего удивительного в том, что совсем еще молодой, нравственно чистый и во многом очень наивный 20-летний студент Георгий Плеханов, как и большинство его радикально настроенных сверстников, восприняли лозунг «В народ к народу!» как призыв к немедленному и вполне конкретному действию. Рубеж 1875–1876 гг. стал в судьбе Плеханова переломным. Опоздав к началу «хождения в народ» в 1874 г., он компенсировал теперь этот «пробел» в своей биографии, все чаще встречаясь с развитыми, грамотными и уже политизированными столичными рабочими.

Эти контакты, продолжавшиеся с перерывами более четырех лет, вплоть до отъезда Плеханова из России в начале 1880 г., дали ему возможность достаточно близко познакомиться с авангардом того класса, с которым он вскоре станет связывать будущее своей родины. При этом огромное впечатление на Плеханова произвели наиболее яркие и запоминающиеся фигуры рабочих вожаков. Сначала это был С.Митрофанов, описанный им позже в очерке «Русский рабочий в революционном движении», затем — один из будущих руководителей знаменитой Морозовской стачки 1885 г. П.Моисеенко и, наконец, устроивший в 1880 г. взрыв в Зимнем дворце С.Халтурин.

Запомнился Плеханову и совет одного из его новых знакомых — Павла Аксельрода, который был убежден, что Георгию нужно бросать учебу и полностью посвятить себя революционной работе. Да и сам он уже чувствовал, что дело идет именно к этому. Осенью 1876 г. занятия в Горном институте были Плехановым окончательно заброшены, а день 6 декабря, когда он произнес свою первую публичную речь во время демонстрации и митинга у Казанского собора в Петербурге, ознаменовал его полный переход на нелегальное положение и окончательный уход в революцию. Демонстрация была устроена по инициативе рабочих, но на нее пришли лишь 200–250 человек вместо запланированных нескольких тысяч. Тем не менее резонанс от нее был огромный, и прежде всего потому, что митинг был разогнан поли-

цией. Лейтмотивом речи Плеханова стал девиз народников: «Земля и воля — народу!» Интересно отметить, что сильно героизированная в советской историографии Казанская демонстрация сначала получила даже у многих радикально настроенных современников очень критические оценки: ее организаторов упрекали в «легкомыслии» и плохой подготовке этого важного мероприятия, а также в том, что на митинге не было выдвинуто требование освобождения всех арестованных революционеров. Что касается Плеханова, то он стал героем дня и ежегодно отмечал с тех пор день 6 декабря как начало своей революционной деятельности, а подпольная кличка «Оратор» надолго закрепилась за ним в революционной среде.

Вскоре после демонстрации Плеханов стал членом оформившейся, наконец, народнической организации «Земля и воля», в состав которой вошли такие незаурядные люди, как супруги Марк и Ольга Натансон, Александр Михайлов, Осип Аптекман, Валериан Осинский, Николай Морозов и др. В жизни Плеханова наступил один из самых опасных и вместе с тем романтических периодов: он постоянно менял адреса, спал с револьвером и кастетом под подушкой, научился ускользать от полиции и ее агентов. А весной 1877 г. Георгий вместе со своей молодой женой Натальей Смирновой (они обвенчались в октябре 1876 г.) тайно уехал на три месяца за границу и побывал в Германии, Франции и Швейцарии. Это было его первое знакомство с западноевропейским социалистическим и рабочим движением, не поколебавшее, однако, симпатий Плеханова к бакунизму. А вернувшись на родину, Георгий получил уведомление об отчислении из Горного института за «неуспеваемость». Это означало, что все пути к отступлению отрезаны, причем именно тогда Плеханов решил наконец попробовать себя и в «классической» роли народника-«деревенщика».

В конце июля 1877 г. он выехал в Саратов, где у «Земли и воли» было несколько опорных точек для работы среди крестьян. Однако все его попытки устроиться учителем сельской школы или стать руководителем одного из саратовских рабочих кружков закончились безрезультатно. В итоге ему пришлось вернуться в Петербург, где в декабре Георгий вновь блеснул своими ораторскими способностями на похоронах великого русского поэта-демократа Н.А. Некрасова, которого революционная молодежь за высокую гражданственность его лучших произведений ставила тогда даже выше А.С. Пушкина. В феврале-марте 1878 г. Плеханов участвовал в организации и проведении экономической стачки рабочих-текстильщиков на столичной Новой бумагопрядильне, дав к тому же подробную информацию о ней в четырех номерах столичной газеты «Новости». Прокламацией «К русскому обществу» откликнулся он и на судебный процесс по делу Веры Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника генерала Ф.Ф. Трепова, который приказал жестоко наказать одного из политических заключенных. Это был входивший тогда в моду в революционной среде террористический акт возмездия за нравственное унижение или гибель товарища по организации, причем сам поступок Засулич и суд над ней получили колоссальный общественный резонанс, поскольку она была оправдана введенным в 1864 г. судом присяжных.

К этому времени Плеханов мог уже вести целый список своих кратковременных арестов, причем быстрому и «легкому» освобождению он каждый раз был обязан либо своей находчивости, либо недостаточному профессионализму полицейских чинов. Все это дополнительно создавало молодому революционеру-подпольщику репутацию смелого и «рискового» человека, которому почти всегда сопутствует удача. Вместе с тем рос и рейтинг Плеханова как молодого талантливого интеллектуала, в котором уже легко угадывался не только незаурядный пропагандист, агитатор и организатор, но и способный журналист, и будущий теоретик революционного движения в России. При этом он был блестящим полемистом, обладавшим не только несомненным даром слова, но и выдающейся эрудицией. Недаром он любил часами просиживать в Императорской публичной библиотеке за книгами на русском, французском и немецком (его он, правда, знал тогда хуже) языках. Попадали в поле его зрения и отдельные работы К.Маркса, в том числе «Капитал», хотя все еще очень авторитетный в глазах Плеханова Бакунин вел яростную борьбу с марксизмом и его основоположниками. Вместе с тем не нужно забывать и другое: сам Бакунин был неплохо знаком со многими работами Маркса и Энгельса, признавал примат экономики над политикой и правом и даже начинал переводить на русский язык «Капитал». Поэтому не будет преувеличением сказать, что в какой-то степени именно он подготовил Плеханова к серьезному восприятию марксистских идей еще в народнический период его революционной деятельности.

Начитанность 20-летнего Плеханова была поистине феноменальной. Достаточно сказать, что он был знаком с работами А.Смита, К.Родбертуса, Е.Дюринга, Ф.Лассалья, не говоря уже о десятках русских авторов, включая и статьи популяризатора марксистских экономических идей профессора Н.И.Зибера. Поэтому товарищи по «Земле и воле» все больше и больше считались с мнением Плеханова по различным теоретическим вопросам. Так, в апреле 1879 г. он принял участие в обсуждении изменений в программе и уставе «Земли и воли», которая в то время оказалась как бы на распутье, поскольку работа в деревне не ладилась из-за правительственных репрессий и равнодушия и косности самих крестьян, а переход властей к активному преследованию революционеров все острее ставил вопрос о невозможности дальнейшего уклонения от активной политической борьбы с правительством, включая террор, на чем особенно настаивал Николай Морозов. При этом нельзя забывать, что Бакунина к тому времени уже не было в живых, а Лавров находился далеко от России — в Париже, так что руководящих указаний от основоположников народнического движения «землевольцам» ждать не приходилось.

В октябре 1878 г. в Петербурге увидел свет первый номер нелегальной газеты «Земля и воля», в редколлегии которой работали С.М.Кравчинский, Д.А.Клеменц, Морозов, Л.А.Тихомиров и Плеханов. В январе-феврале 1878 г. последний опубликовал там большую статью «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России». Характерно, что, оставаясь бакунистом, Плеханов, которому, как, впрочем, и самому Бакунину, явно

импонировала социально-экономическая сторона теории Маркса, нашел выход из этой социологической «ловушки» в том, что к России с ее огромной цивилизационной отсталостью и вместе с тем с «социалистической» по своему духу крестьянской общиной марксизм еще неприменим. Свержение самодержавия должно было, по его мнению, открыть перед нашей страной прямую дорогу к торжеству общинного социализма, в основе которого лежит коллективный труд крестьян на находящейся в общинной собственности земле. Но при этом Плеханов, основываясь на собственном опыте и опыте своих товарищей по «Земле и воле», связывал все надежды на осуществление этого эпохального социального эксперимента не с инертным, разобщенным, верившим в Бога и царя и не принимавшим идеи народников российским крестьянством (здесь у него иллюзий уже не было), а с самым социально подвижным и наиболее «воспламеняющимся» под влиянием революционной агитации слоем трудящегося населения — городскими рабочими. Так постепенно создавалась почва для будущего перехода Плеханова на позиции марксизма. Правда, весной того же 1878 г. Плеханов в последний раз еще попытался уйти «в народ», отправившись на Дон, где как раз заволновались тогда казаки. Но и на этот раз задержаться там надолго ему не пришлось: интересы укрепления центрального ядра «Земли и воли» потребовали осенью того же 1878 г. его присутствия в Петербурге.

В уже упоминавшейся статье «Закон экономического развития общества...» Плеханов не считал для себя возможным уклониться от рассмотрения вопроса о терроре, становившемся все более и более актуальным для членов «Земли и воли». Это слово приобретало тогда в России все большую, почти магическую притягательность для большинства революционно настроенной молодежи. Однако Плеханов твердо стоял за то, чтобы террористические акты служили лишь дополнением к другим формам революционной работы и применялись бы только в разумных пределах и в качестве своеобразного средства самообороны, тогда как большинство «землеольцев» уже готово было, по крайней мере, временно свернуть работу в деревне, сделать ставку на рабочих, студентов и офицеров, а главное — на политический террор. «Охота на Сашку» (Александра II) превратилась в то время для многих «землеольцев» в некий азартный политический спорт, а его убийство — в дело их революционной чести. Неудачное покушение А.К.Соловьева на царя в апреле 1872 г. лишь заставило молодых заговорщиков удвоить и утроить свою энергию в этом направлении. Чувствовалось, что «Земля и воля» стоит накануне больших перемен, а может быть, и раскола.

Весной 1879 г. произошли и важные перемены в личной жизни Плеханова. От него ушла его первая жена, Наталия Смирнова, вернувшаяся к отцу своей дочери, а ее место скоро заняла будущий врач и активная участница народнического движения Розалия Марковна Боград, ставшая верной спутницей Георгия на всю его последующую жизнь. Ее беспредельная и безусловная преданность мужу и дочерям Лидии и Евгении, добровольное желание «раствориться» в своей семье, колоссальная энергия, ясный, живой ум, сильная воля и уникальная деловая хватка — все эти качества

сделали Р.М.Боград настоящим другом, единомышленником и заботливой женой Плеханова.

В июне 1879 г. в Воронеже состоялся роковой для «Земли и воли» съезд наиболее активных членов этой организации, на котором был фактически предreshен ее последующий раскол на «Народную волю» и «Черный передел». Несмотря на то, что итоговые решения съезда носили компромиссный характер и нацеливали «землевольцев» на сохранение определенного баланса между терроризмом и работой среди крестьян и рабочих¹, споры, происходившие в Воронеже, показали, что в данный момент настроения в пользу революционного заговорщичества и террора явно берут в организации верх. Плеханов справедливо опасался, что терроризм неизбежно отвлечет практически все силы «Земли и воли» от решения ее главной задачи — подготовки народной революции. Что касается убийства царя, то само по себе оно, по мысли Плеханова, не могло привести к радикальному изменению системы управления государством. Кроме того, наивный монархизм крестьян встал бы глухой стеной между ними и революционерами и не позволил бы царубийству послужить сигналом к началу народной революции.

Столкнувшись с явным непониманием своих доводов товарищами и не найдя среди делегатов съезда людей, готовых полностью разделить его взгляды, Плеханов решил пойти на полный разрыв с «Землей и волей». В гордом одиночестве (никто не стал его уговаривать и удерживать) Плеханов покинул Воронеж. Можно спорить о том, нужна ли была тогда такая крайняя форма отстаивания своего мнения, ибо раскол все равно произошел бы через некоторое время и без этого «бунта» Плеханова. Но таков уж был его характер — страстный, взрывной, неуправляемый, и мы не раз еще столкнемся с этой чертой нашего героя, проявлявшейся в тех случаях, когда он был твердо убежден в своей правоте. Добавим лишь, что все, что произошло после убийства Александра II 1 марта 1881 г., доказало, что в конечном счете Плеханов был прав.

Из Воронежа он отправился в Киев, а в конце августа 1879 г. вернулся в Петербург, где встречи и новые яростные споры с Андреем Желябовым, Александром Михайловым и Львом Тихомировым убедительно доказали ему, что дороги назад уже нет. В октябре 1879 г. Плеханов объединил более 20 своих сторонников — В.И.Засулич, П.Б.Аксельрода, Я.В.Стефановича, О.В.Аптекмана, Л.Г.Дейча, М.Р.Попова, В.Н.Игнатова и др. в новую организацию — «Черный передел (под ним понимался радикальный передел земли в пользу крестьян, которого так ждали в российской деревне). Своей главной задачей члены нового революционного братства по-прежнему считали подготовку всеобщего крестьянского выступления в духе программы «Земли и воли». Не отказывались они и от работы в пролетарской среде. Что же касается борьбы за политическую свободу, на которой делали теперь акцент

¹ Состав редакции печатного органа «Земли и воли» формировался теперь из «террористов» и «деревенщиков» на паритетных началах, а финансовые средства распределялись даже с двойным перевесом в пользу работы в массах. Однако на практике эти решения выполнены уже не были.

члены «Народной воли», то «чернопередельцы» не отрицали ее пользы для народа, но полагали, что эта задача будет решена и без них силами «народо-вольцев», а возможно, и либералов, которые, как показал уже опыт Западной Европы, не могли остаться в этом вопросе в стороне.

Но оживить практическую работу в деревне «чернопередельцы» так и не смогли. Поэтому они сосредоточили свои усилия на пропаганде среди рабочих и интеллигенции в городах. Сам Плеханов отдавал в тот период все свои силы изданию новой газеты под названием «Черный передел». Однако неожиданно нависшая над ним и его ближайшими товарищами — Засулич, Стефановичем и Дейчем — серьезная угроза ареста заставила его еще в самом начале января 1880 г. спешно покинуть Россию, причем вместо предполагавшихся вначале нескольких месяцев вторая в жизни Плеханова заграничная поездка затянулась на целых 37 лет.

Столь неожиданно начавшаяся для Плеханова эмигрантская жизнь, несмотря на тяжелое материальное положение его семьи и вынужденные скитания по разным западноевропейским странам, оказалась для него очень плодотворной. Общая атмосфера политической свободы, доступ ко всем новинкам социалистической литературы, возможность общаться как со своими многочисленными соотечественниками — эмигрантами, так и с представителями самых разных течений международного социализма — все это не могло не стимулировать начавшийся у Плеханова еще в России процесс разочарования в идеологии бакунизма и практике революционного народничества, а более основательное знакомство с работами Маркса и Энгельса, международным рабочим и социалистическим движением способствовало его стремительному переходу на позиции марксизма. Несомненно, под воздействием на него и крах «Народной воли» после оказавшегося безрезультатным, как и предвидел Плеханов, убийства Александра II. Не случайно 1880–1883 гг. стали для Плеханова временем усиленных научных занятий (в его записной книжке сохранились около 150 названий книг и статей, которые он штудировал в эти годы, в том числе пять крупных работ Маркса и Энгельса на немецком языке, в знании которого Георгий стал за границей быстро прогрессировать).

Сначала Плеханов с женой поселились в Женеве, где было продолжено издание «Черного передела», а осенью 1880 г. переехали в Париж. Там Георгий Валентинович интенсивно продолжал заниматься самообразованием и регулярно посещал рабочие собрания. Установил он и постоянные контакты с жившим в Париже Лавровым, беседы с которым, несомненно, помогали его интеллектуальному росту, а также с видным французским социалистом Ж.Гедом, идейная эволюция которого от анархизма к марксизму во многом напоминала идейные искания самого Плеханова, что только укрепляло их дружбу.

По собственному признанию Плеханова, летом 1880 г. он был уже едва ли не наполовину социал-демократом, т.е. марксистом. Однако процесс становления марксистских взглядов Плеханова вначале осложнялся неприязненным отношением Маркса и Энгельса к «чернопередельцам» и лично к их

руководителю. Дело в том, что они возлагали в то время немалые надежды на положительное влияние террористической деятельности «Народной воли» на состояние революционного движения в России и в Западной Европе и считали, что Плеханов и его товарищи, став эмигрантами, не проявляют должного мужества и готовности к самопожертвованию. С нескрываемым сарказмом Маркс в одном из писем (ноябрь 1880 г.) писал о желании «чернопеределцев» одним махом перенести Россию в анархо-коммунистическо-атеистический рай. Однако постепенный отход Плеханова от анархизма не остался незамеченным Марксом и привел к изменению его позиции в отношении членов «Черного передела» и лично Плеханова. Большое значение имело и то, что убийство Александра II не вызвало революционного взрыва ни в России, ни тем более на Западе, так что политические акции «Народной воли» после этого резко пошли вниз. Так или иначе, в январе 1882 г. Маркс и Энгельс написали сочувственное предисловие к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» (перевод был сделан Плехановым, а просьба об авторском предисловии была передана им через Лаврова). Это свидетельствовало о том, что «чернопеределцы» «прощены» авторами «Манифеста» и признаны ими в качестве их русских учеников и последователей.

Несмотря на то, что выводы, вытекавшие из социологической теории Маркса и Энгельса, еще не были проверены западноевропейскими социалистами на практике (кратковременный неудачный опыт Парижской коммуны 1871 г. оставлял стратегию марксизма в революционном движении на уровне гипотезы), Плеханов все больше и больше подпадал под ее обаяние, считая марксизм вполне научной идеологией пролетариата. Необычайная внутренняя логичность теоретических построений основоположников марксизма, убедительность главного тезиса Маркса об определяющей роли экономики и социально-экономических отношений в истории Западной Европы, быстрые успехи там рабочего и социалистического движения, а также стремительный рост капитализма и первые проявления пролетарского протеста в самой реформенной России — все это убеждало эмигрантов-чернопеределцев в политической перспективности марксизма, что резко контрастировало с провалом многих теоретических построений и социальной практики народничества.

Плеханов испытывал теперь глубочайшее уважение к личности и интеллектуальному потенциалу Маркса, буквально благоговел перед ним, мечтал о личной встрече и глубоко переживал его смерть в 1883 г. С Энгельсом он впервые встретился в Лондоне в 1889 г., а затем неоднократно бывал у него в британской столице в 1894 г. Что касается основных произведений Маркса и Энгельса, то Плеханов не только хорошо их знал, но никогда не критиковал и защищал от любых попыток извращения мыслей основоположников марксизма. Характерно, что уже в 1883 г. Плеханов сравнивал их учение с «нитью Ариадны» — персонажа античной мифологии, которая помогла своему возлюбленному выбраться из запутанного лабиринта с помощью клубка ниток.

Одним из решающих аргументов народников в пользу их версии о некапиталистическом развитии России был тезис о русской крестьянской общине

как зародыше будущего социалистического общества. Однако постепенно у Плеханова накапливалось все больше фактического материала о ее разложении и имущественной дифференциации общинников, среди которых невооруженным глазом были уже видны «кулаки» и сельские полупролетарии. И хотя для Плеханова не было тайной, что Маркс разделял надежды на то, что заложенные в русской общине социалистические потенции могут — в случае совпадения революционных взрывов в России и в Западной Европе — дать совершенно фантастические результаты, глава «чернопередельцев» уже не питал никаких иллюзий относительно возможности реализации подобного счастливого сценария.

Гораздо труднее было расстаться с иллюзиями о возможности нового организационного слияния «Черного передела» с «Народной волей», поскольку обе организации переживали в начале 1880-х гг. не лучшие времена. Кроме того, Плеханов рассчитывал применить в данном случае тактику «троянского коня» и, войдя в «Народную волю», со временем подчинить ее своему влиянию, сделав из народнической марксистской. Однако соглашение с «народовольцами» оказалось невозможным, и в конце сентября 1883 г. в Женеве оформилась марксистская социал-демократическая группа «Освобождение труда» в составе Плеханова, Аксельрода, Засулич, Дейча и Игнатова. Руководителем группы, естественно, стал Плеханов.

Группа объявила, что ставит перед собой две задачи: 1) распространять в России идеи марксизма путем перевода на русский язык важнейших произведений Маркса, Энгельса и их западноевропейских последователей и 2) критиковать народнические взгляды и освещать важнейшие вопросы русской общественно-политической жизни с позиций марксизма. Немного забегаая вперед, скажем, что с 1883 по 1900 г. группой при активном участии Плеханова были изданы (полностью или частично) 30 произведений Маркса и Энгельса. Увидели свет и несколько важных работ Плеханова, Аксельрода и Засулич. В дальнейшем речь могла идти о подготовке к созданию в России социал-демократической рабочей партии, целью которой была бы пропаганда марксистских идей в пролетарской среде, борьба за свержение самодержавия и демократизацию страны и, наконец, смена капитализма социализмом путем пролетарской революции и установления диктатуры рабочего класса.

Плеханов стал главным теоретиком группы, и уже в октябре 1883 г. в Женеве была отпечатана его брошюра «Социализм и политическая борьба». Учитывая сохранявшуюся еще популярность «Народной воли» среди российской радикально настроенной молодежи, те жертвы, которые эта организация принесла во имя грядущего освобождения страны от гнета царского самодержавия, а также кадровую, финансовую и организационно-техническую слабость самой группы «Освобождение труда», Плеханов по совету товарищей смягчил критику «Народной воли» и ее взглядов на антиправительственный террор. Вместе с тем он сделал акцент на том, что Россия не может перескочить от абсолютизма и начальных стадий развития капитализма прямо к социализму. Поэтому Плеханов поставил вопрос о двух этапах предстоящей русской революции — борьбе за превращение страны в демо-

кратическое буржуазное государство, а затем уже борьбе непосредственно за социализм как части европейской и мировой пролетарской революции (характерно, однако, что разрыв во времени между этими двумя этапами представлялся ему тогда минимальным, хотя в дальнейшем он изменил свою точку зрения, резко разойдясь здесь с Лениным и Троцким).

Эпиграфом к своей брошюре Плеханов выбрал слова Маркса и Энгельса из «Манифеста Коммунистической партии»: «Всякая классовая борьба есть борьба политическая». Это означало, что России, как и другим странам, нужны гражданские свободы, конституция и парламент и что «социалистическое нетерпение» может сослужить рабочему классу и стране в целом плохую службу. Что касается диктатуры пролетариата, без установления которой борьбу за социализм Плеханов не мыслил, то она уже в то время представлялась ему не властью узкой группы партийных функционеров, а властью всего рабочего класса, которая будет возможна, когда он пройдет школу работы на крупных капиталистических предприятиях, научится проявлять социальную активность, станет грамотным и культурным и будет защищать не только свои узкоклассовые интересы, но и интересы всех трудящихся.

В работе «Социализм и политическая борьба» Плеханов коснулся очень важного для будущей марксистской рабочей партии вопроса о потенциальных союзниках пролетариата в борьбе с царизмом — либеральной буржуазии и крестьянстве. По его мнению, недальновидно было бы преждевременно пугать либералов «красным призраком» социализма, поскольку не исключена возможность совместных действий этих двух социальных сил в борьбе за конституцию. Не сбрасывал Плеханов со счетов и возможности поддержки революционеров крестьянами, хотя провал «хождения в народ» и не настраивал его на оптимистический лад. Что касается демократической интеллигенции, то ей отводилась роль идейного руководителя рабочего класса, с которым Плеханов связывал в то время главные надежды на приближение революционного переворота.

Работа Плеханова «Социализм и политическая борьба» сразу была замечена и в русской социалистической эмиграции, и в самой России, куда она тоже попала в 1884–1885 гг. Вместе с тем у нее нашлись и критики (Лавров, Тихомиров и др.), что заставило Плеханова в короткие сроки написать еще одну работу под названием «Наши разногласия», где было уже гораздо больше критики в адрес народников и больше серьезных, основанных на реальных фактах российской действительности аргументов в пользу тезиса о том, что миновать капиталистическую стадию развития — хотят того революционеры или нет — России не удастся, причем чем интенсивнее будет развиваться в ней капитализм, тем основательнее будет подготовлена она к переходу к социализму.

В то же время в этой работе Плеханов вслед за Энгельсом предупреждал об опасности искусственного форсирования в России начала социалистической революции, что привело бы к насаждению вульгарного «казарменного социализма» с его всеобщей нищетой и засильем командно-приказной бюрократической системы, при которой бесправие народа лишь прикрывалось бы

звонкими фразами о народовластии. И сегодня, когда советский социализм остался позади, не выдержав соревнования с мировым капитализмом и подорвав доверие к себе со стороны широких народных масс, можно лишь поражаться прозорливости Плеханова, который начиная с 80-х годов XIX в. и кончая 1917–1918 гг. предупреждал о тех негативных и, в конечном счете, фатальных для судьбы коммунистической идеи последствиях, к которым может привести преждевременный социалистический переворот в такой отсталой по сравнению с ведущими странами Запада крестьянской стране, как Россия. Таким образом, переход на позиции марксизма обусловил радикальное изменение взглядов Плеханова на ситуацию в России. Вместо надежд на некапиталистический путь ее развития он утверждал теперь, что победа социализма невозможна без более или менее продолжительного периода развития буржуазных отношений в городе и деревне. Русская революция рисовалась ему теперь как двухстадиальный процесс, состоящий из буржуазно-демократического и социалистического этапов, причем главным действующим лицом на обоих этих этапах должен был стать пролетариат.

Эти идеи были положены в основу нескольких проектов программы группы «Освобождение труда», над которыми Плеханов работал в 1883–1885 гг. Конечной целью всех пролетарских партий, в том числе и будущей русской, в ней провозглашалась социалистическая революция, по крайней мере, в нескольких цивилизованных странах мира и полное освобождение труда от гнета капитала. Но в России рабочей партии предстояло сначала бороться за всеобщее избирательное право, свободу слова, печати, собраний и т.д., причем главным действующим лицом этой революции должен был стать пролетариат, а его возможным союзником — либеральная общественность. Что касается крестьянства, то здесь Плеханов был более чем осторожен в своих прогнозах, поскольку политическое безразличие и умственная отсталость деревенского населения составляли пока «главнейшую опору абсолютизма». Однако Плеханов не исключал еще возможности приостановки процесса разложения крестьянской общины и приобщения в будущем русского мужика к борьбе за демократию и общественный прогресс. Характерно, что коренного положения марксизма о диктатуре пролетариата в проектах программы еще не было, хотя о захвате рабочими политической власти и о временном господстве пролетариата в обществе после победы революции там говорилось вполне определенно. Не было в этих документах и тезиса о гегемонии (ведущей, авангардной роли) пролетариата в освободительном движении, хотя позже Плеханов заявлял, что к этой идее он пришел именно в 1880-е гг.

Все это свидетельствовало о готовности Плеханова и его товарищей к конструктивному диалогу хотя бы с частью народников, которых группа «Освобождение труда» не хотела пока отпугивать слишком жесткими марксистскими формулировками своих намерений. Однако соглашение это, увы, так и не состоялось ни в конце XIX в., ни позже. В целом же программные документы группы «Освобождение труда» стали одним из важных источников при выработке программы Российской социал-демократической рабо-

чей партии в 1903 г., хотя в ее составлении приняли тогда участие не только Плеханов, но и другие русские марксисты, в первую очередь Ленин, а почти все формулировки приобрели предельную ясность и четкость, которых порой явно не хватало прежде.

Вторая половина 1880-х и начало 1890-х гг. стали для Плеханова временем тяжелых испытаний. Острейшая материальная нужда, доходившая до полного безденежья, изнурительная болезнь (тяжелейший туберкулезный процесс), слабые контакты с Россией, трагические разногласия в эмигрантской среде, высылка весной 1889 г. из Швейцарии по ложному обвинению в анархизме, переезд во Францию, а затем вынужденное возвращение весной 1894 г. в Женеву и поездка на несколько месяцев в Лондон — все это буквально обрушилось на Плеханова, требуя от него предельного напряжения всех физических и духовных сил. В его жизни наступил некий рубеж, отмеривший, как потом оказалось, первую, наиболее бурную и трудную половину его жизненного пути. Закончился период идейных исканий и выбора политических ориентиров, наступала пора человеческой, творческой и политической зрелости.

С каждым годом Плеханов путем самообразования наращивал свою эрудицию во многих областях гуманитарного знания, став, наряду с германскими социал-демократами Ф.Мерингом, К.Каутским и Э.Бернштейном, самым крупным знатоком произведений Маркса и Энгельса. В круг его научных интересов входили философия, история, политэкономия, эстетика, литературная критика, а легально изданная в 1895 г. в Петербурге под псевдонимом Бельтов большая книга с замысловатым (чтобы обмануть царскую цензуру) названием «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» принесла ему в кругах русской радикальной интеллигенции огромную популярность. Недаром позже многие известные социал-демократы вспоминали, что изучали азы исторического материализма именно «по Бельтову».

Особую страницу в жизни Плеханова составила его деятельность в созданном в 1889 г. II Интернационале. Вплоть до 1914 г. он активно участвовал во всех (кроме второго) его конгрессах, бывал на заседаниях Международного социалистического бюро, выступал на страницах западноевропейской социалистической печати, вел обширную переписку со многими ведущими деятелями ряда западных рабочих партий. Опубликованы, в частности, письма Плеханова и многочисленные обращения к нему социалистов Германии, Франции, Италии, США, Швейцарии, Англии, Австрии, Бельгии, Румынии, Венгрии, Болгарии, Ирана, Японии и некоторых других стран. Среди его корреспондентов были В.Адлер, Ж.Гед, А.Бебель, В.Либкнехт, К.Каутский, Ф.Меринг и др.

Заметное место в публицистическом наследии Плеханова занимает его полемика с Бернштейном, которому он объявил настоящую войну в связи с его критическими выступлениями в адрес Маркса и Энгельса. Правда, Плеханов признавал, что «кое в чем» (не уточняя, в чем именно) Бернштейн прав, но от этого ярость (другого слова здесь просто не подберешь), с которой он обрушивался на «главного ревизиониста», лишь возрастала. Видимо,

Плеханов, который внутренне буквально выстрадал свой переход на позиции марксизма, как бы предчувствовал, что нового крушения своих идеалов он просто не выдержит. Кроме того, нужно учитывать, что Бернштейн, анализируя ситуацию в тогдашнем мире, заглянул достаточно далеко вперед и его прогноз, во многом оправдавшийся в XX в., часто казался многим его современникам просто невероятным. Конечно, и капитализм наших дней не сумел преодолеть многих своих коренных противоречий, но он стал качественно иным, чем во времена Маркса, который сильно преувеличил его «дряхлость» и историческую обреченность, явно недооценив способность к модернизации и трансформации. Поэтому плехановская «антибернштейниада» давно утратила свою актуальность и доказательность, но в свое время она закрепила за Плехановым репутацию твердого в своей «вере» марксиста-ортодокса и принесла ему славу нестигаемого и убежденного борца за чистоту этого революционного учения. При этом его позицию разделяли тогда многие русские и западные социал-демократы, придерживавшиеся радикальных и казавшихся им единственно правильными взглядов. И в наши дни позиция Плеханова в борьбе с ревизионизмом может вызывать, по крайней мере, уважение и понимание, хотя его аргументация убедительной нам уже не представляется.

В том же ряду стоит и резкая критика Плехановым т. н. «мильеранизма» (по имени французского министра-социалиста А. Мильерана, вступившего в 1899 г. в буржуазное правительство) как политического компромисса, порождающего вредные иллюзии о возможности беспринципного политического сговора между пролетариатом и буржуазией. В наши дни такой подход кажется уже несколько смешным (во всяком случае, как универсальный), но в те далекие времена социалистическое «целомудрие» Плеханова требовало от него решительно осудить этот «позорный казус Мильерана». Здесь сказывались и синдром «новообращенца», выстрадавшего новую, марксистскую «веру» и боявшегося в одночасье потерять ее, и воспоминания о России, где идея политического компромисса никак не могла еще стать органической частью ментальности ее граждан. Не случайно весь «русский марксизм», включая и марксизм Плеханова, отличался от более «мягкого» марксизма лидеров II Интернационала такими особенностями, как повышенная идеологическая ортодоксальность и даже агрессивность по отношению к инакомыслию, органическое тяготение к самым радикальным выводам из марксистского учения, организационная жесткость и т. д. Эти качества, частично преодоленные позже самим Плехановым, были доведены, однако, до логического конца в большевизме, многое взявшем в этом плане у руководителя группы «Освобождение труда». И в то время, как Плеханов к концу жизни мыслил и действовал уже как «русский европеец», большевики даже превзошли его в своем уже «устаревшем» тогда в Европе «якобинстве», которое помогло им взять и удержать власть в историческом 1917 г.

В конце XIX — начале XX в. Плеханов был уже признанным теоретиком II Интернационала, его литературный талант получил широкое признание, а авторитет как мыслителя и политика значительно возрос. Правда, одновре-

менно менялся (и, увы, к худшему) его и без того непростой характер. В нем появились признаки некоторого высокомерия и самолюбования, привычка смотреть на многих людей сверху вниз, полная нетерпимость к взглядам оппонентов. Наряду с этим, несмотря на ставшую уже хронической болезнь, у Плеханова сохранилась органическая потребность в регулярной интеллектуальной работе, жажда все новых и новых знаний. Росла и его страсть к собиранию личной библиотеки, которая находится сегодня в Доме Плеханова в Петербурге, работающем на правах отдела Российской национальной библиотеки. К счастью для историков, сохранял Плеханов и свой личный архив, содержащий многочисленные документы по истории российского и международного социалистического движения.

Изменилось и материальное положение семьи Плехановых: регулярные литературные гонорары самого Георгия Валентиновича, который под разными псевдонимами печатался и в России, и в других странах, а также доходы от врачебной практики его жены позволяли им уже не заглядывать с тревогой в завтрашний день. В этой связи не приходится удивляться тому, что некоторые русские рабочие, встречавшиеся с Плехановым за границей, стали то ли в шутку, то ли всерьез называть его «наш барин». Бесспорно, он очень ценил свое время, старался избегать «пустых» разговоров и ненужных знакомств. Немало ограничений вносила в его жизнь и болезнь, провоцировавшая раздражительность, вспыльчивость, желание поскорее избавиться от назойливого неинтересного посетителя. Тем не менее в социал-демократической среде Плеханов уже стоял тогда несколько особняком.

На рубеже XIX–XX вв., когда в России поднялась первая большая волна стачечного рабочего движения и стали возникать все новые и новые марксистские кружки, члены которых изучали труды Маркса, Энгельса и членов группы «Освобождение труда», в первую очередь Плеханова, на повестку дня в качестве первоочередной и теперь уже вполне практической задачи был поставлен вопрос о создании социал-демократической рабочей партии со своей программой, уставом, стратегией и тактикой борьбы. Стало оживать и неонародническое течение, но русские марксисты явно обгоняли его в популярности и связях с пролетарскими и другими демократическими слоями населения. Весной 1898 г. на первом партийном съезде в Минске было объявлено об образовании РСДРП, тогда как неонародническая Партия социалистов-революционеров возникла на рубеже 1901–1902 гг. Правда, на первых порах дела у обеих партий шли неважно, и РСДРП до 1903 г. еще не сложились в централизованную всероссийскую организацию со всеми необходимыми атрибутами политической партии. Тем не менее начавшийся в конце XIX в. процесс ее формирования был уже необратим, и Плеханов принял в нем самое активное личное участие. Однако ему и его товарищам по группе «Освобождение труда» пришлось теперь считаться с лидерами нового поколения русских марксистов, которые приехали в Европу из России в 1900–1901 гг. и при всем уважении к «старикам»-эмигрантам претендовали уже, по меньшей мере, на равноправие с ними. Конечно, в процессе построения партии можно было опереться на опыт и талант членов группы «Освобождение труда» и, прежде

всего, Плеханова. Вместе с тем нельзя уже было игнорировать и успевших побывать в тюрьмах и ссылке их молодых русских учеников — В.И.Ульянова (Ленина), Ю.О.Цедербаума (Мартова), А.Н.Потресова и Л.Д.Бронштейна (Троцкого). Однако добиться такого плодотворного сотрудничества старой революционной гвардии в лице Плеханова, Аксельрода, Засулич и Дейча и идущей ей на смену новой группы партийных лидеров было довольно сложно, ибо очень скоро возник вполне естественный, особенно в условиях эмиграции, конфликт двух поколений русских марксистов.

Понятно, почему Плеханов с его огромными заслугами в пропаганде марксистских идей в России, уникальными способностями и большими личными амбициями претендовал на роль вождя или, по крайней мере, главного теоретика РСДРП. Но здесь он столкнулся со сходными и притом тоже вполне обоснованными претензиями со стороны 30-летнего Владимира Ульянова. Плеханов лично познакомился с ним в Швейцарии еще в 1895 г., причем Ульянов произвел на него в тот раз самое благоприятное впечатление своей скромностью, начитанностью и деловитостью. Отдельные частные разногласия (например, о роли либеральных политиков, которых Ульянов, по мнению Плеханова, несколько недооценивал) казались тогда мелочью, и соглашение о сотрудничестве «стариков» и «молодых» было достигнуто быстро и к общему удовлетворению.

Арест, а затем сибирская ссылка Ленина и Мартова, руководивших в Петербурге «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», который открыто заявлял о своей солидарности с группой «Освобождение труда», на время прервали эту только-только начинавшую налаживаться связь. Однако в 1900 г. после приезда в Швейцарию этих молодых социал-демократических лидеров, а также Потресова (последний был лично знаком с Плехановым и оказал ему большую, в том числе и материальную, помощь в издании уже упоминавшейся выше книги «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю») было заключено соглашение об издании в Мюнхене русской социал-демократической газеты «Искра». Она должна была нелегально переправляться в Россию, став своего рода строительными лесами, необходимыми для возведения в России реального партийного здания. Первый номер «Искры» вышел в свет в декабре 1900 г., и вскоре работа по объединению разрозненных партийных организаций в России и в эмиграции закипела¹.

С самого начала в редакции возникли серьезные трения между Плехановым и Лениным. Первого поддерживали Аксельрод и Засулич, второго — Мартов и Потресов. Споры разгорелись, прежде всего, по поводу проекта программы РСДРП, который предстояло разработать членам редакции. Плеханов, естественно, считал, что эту часть работы по созданию партии должен выполнить именно он. Однако Георгий Валентинович неожиданно для себя встретил решительное сопротивление со стороны оказавшегося вдруг тоже очень амбициозным и не склонным идти на принципиальные

¹ Подробнее см.: *Тарновский К.Н.* Революционная мысль, революционное дело (ленинская «Искра» в борьбе за создание марксистской партии в России). М., 1983.

уступки «отцу русского марксизма» (как часто называли Плеханова) Ленина. Последнему хотелось сделать формулировки проекта более четкими и определенными, причем уважение к Плеханову не мешало ему вести полемику с ним на равных, проявляя при этом и дерзость, и запальчивость, и упрямство. В конце концов, когда возникла драматичная перспектива раскола редакции «Искры», был все же достигнут компромисс (в целом принятое решение было в пользу Ленина), хотя ни он, ни Плеханов этого спора не забыли. Это условное примирение позволило членам редакции выйти на состоявшийся летом 1903 г. сначала в Брюсселе, а затем в Лондоне II съезд РСДРП единым коллективом и провести там свой проект программы в качестве официального партийного документа. В нем прямо говорилось о том, что конечной целью партии является установление диктатуры пролетариата и построение в России социализма, а в качестве программы-минимум ставилась задача полной демократизации страны. Правда, Ленину, которому очень хотелось включить в программу пункт о необходимости национализации всей земли, под нажимом Плеханова пришлось ограничиться неизмеримо более скромным требованием возвращения крестьянам земельных «отрезков», перешедших по условиям реформ 1861 г. в руки помещиков. При этом Плеханов мотивировал свое предложение тем, что если демократическая революция в России будет затем подавлена, то перешедшая в руки государства национализированная земля лишь усилит позиции дворян-помещиков и самодержавной власти. В итоге ради «мира» с Плехановым Ленин уступил ему в данном вопросе, оставшись, правда, при своем прежнем мнении. В программе РСДРП были подробно перечислены многочисленные меры по облегчению положения рабочих и крестьян, провозглашено право всех входивших в состав России наций на самоопределение вплоть до отделения от Российского государства¹.

Однако совершенно неожиданно почти для всех делегатов камнем преткновения в дальнейшей работе съезда стало обсуждение проекта организационного устава партии. Здесь столкнулись уже Ленин и Мартов, тогда как Плеханов после некоторых колебаний встал на сторону первого. Ленин в своем проекте предложил несколько очень жестких формулировок, которые по своему духу сильно отличались от общепринятых во II Интернационале. Члены партии, по Ленину, должны были не только принимать ее программу и поддерживать материально, но и обязательно участвовать в работе одной из партийных организаций. Кроме того, Ленин выступал за жесткую, обязательную для всех членов РСДРП партийную дисциплину и за строгое подчинение всех местных комитетов ЦК партии. По мнению Ленина, в условиях России, где РСДРП могла существовать только в подполье, нужно было сразу же отделить «работающих» членов партии от тех, кто только «болтает» о революции. При этом особую роль Ленин отводил профессиональным революционерам (большинство их принадлежало к интеллигенции), которые отдавали бы все свои силы и время партийной работе и, естественно, выдвигались в РСДРП на руководящие посты.

¹ Подробнее см.: Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004. С. 479–527.

Ленину казалось, что в условиях самодержавной России выработанный им план построения партии «нового типа» даст наибольший эффект. Однако мог сработать и другой сценарий, при котором ее вождь-диктатор превратил бы такую партию в полувоенизированную секретную организацию, способную стать идеальным инструментом захвата государственной власти вопреки воле большинства народа. Подтвердить или опровергнуть такой прогноз могла только жизнь, и в 1903 г. этот вопрос оставался открытым.

Главным оппонентом Ленина стал Мартов, проект которого был гораздо ближе к традиционным уставам партий II Интернационала. В итоге было достигнуто подобие компромисса: пункт о членстве в партии был принят в редакции Мартова, который не акцентировал внимание на обязательном участии каждого члена РСДРП в работе одной из ее организаций, а остальные параграфы устава были ближе к ленинской редакции. При выборах же в ЦК РСДРП победили сторонники Ленина, которых условно стали называть поэтому «большевиками» в противовес сторонникам Мартова, Аксельрода, Потресова, Засулич и Троцкого — «меньшевикам». В реальной же действительности соотношение сил в партийных организациях в самой России между сторонниками Ленина и Мартова было примерно равным. По решению съезда группа «Освобождение труда» прекращала свое существование как самостоятельный коллектив.

Казалось, Ленин мог торжествовать победу, тем более что на его стороне был «сам» Плеханов. Однако торжество это было недолгим. Через пару месяцев Георгий Валентинович резко изменил свою точку зрения и порвал с Лениным, усмотрев в его взглядах и действиях диктаторские замашки, признаки «вождизма» и стремление командовать из-за границы всей партией. В свете дальнейшей истории большевизма можно лишь поражаться прозорливости Плеханова, который, правда, не раз осуждал потом и меньшевиков за отсутствие в их рядах должной дисциплины, одностороннее увлечение легальной работой и т.д. С другой стороны, Плеханову импонировали преувеличенные надежды меньшевиков на оппозиционность либералов и, наоборот, их крайняя сдержанность в оценках революционных возможностей крестьянства. Конечно же, в этих ожесточенных внутрипартийных спорах играла роль и борьба за «дирижерскую палочку» в руководящих органах РСДРП, на которую претендовали и Ленин, и Плеханов, хотя последний уже, видимо, чувствовал, что шансы его более молодого товарища здесь предпочтительнее.

Для Ленина неожиданный поворот Плеханова к меньшевизму был большим ударом, и в дальнейшем он не раз стремился восстановить с ним прежние отношения, восхищаясь «физической силой» его ума и радуясь каждому, пусть даже кратковременному, повороту «отца русского марксизма» в сторону большевизма. Лидеру большевиков нравились «якобинство» Плеханова, его способность идти «против течения» и даже готовность жертвовать во имя интересов революции некоторыми демократическими ценностями (так на II съезде РСДРП Георгий Валентинович впервые высказал мысль о возможности роспуска столь ожидаемого революционерами Учредительного собра-

ния, если его состав окажется негодным правящей революционной партии). Однако Плеханов явно не хотел снова возвращаться под знамена Ленина, хотя и отношения с меньшевиками складывались у него довольно сложно. Ведь Мартов и его единомышленники никогда не считали Плеханова до конца «своим», так что к концу жизни он оказался фактически вне рядов как большевиков, так и меньшевиков, занимая некие центристские позиции, которые в условиях России — страны резких социальных контрастов и острых конфликтов — были явно непродуктивными и не сулили ему сколько-нибудь серьезных политических дивидендов.

Если на II съезде РСДРП Плеханов был избран председателем Совета партии, членом редакции центрального партийного органа — газеты «Искра» и представителем РСДРП в Международном социалистическом бюро, то уже летом 1905 г. он отказался от всех этих постов и попытался занять положение внефракционного партийного теоретика и публициста, издающего собственный непериодический печатный орган «Дневник социал-демократа Плеханова». Однако удержаться на этой позиции он не смог и в начале 1906 г. вновь вернулся к меньшевикам. При этом нужно учитывать, что в 1906 г. было достигнуто формальное единство большевиков и меньшевиков, хотя в реальной действительности деление РСДРП на две самостоятельные фракции сохранялось.

Первая российская революция 1905–1907 гг.¹ вначале вызвала явный поворот Плеханова влево. Пролетариат был в его глазах главной движущей силой революции, приветствовал он и подъем массового крестьянского движения, и курс партии на подготовку вооруженного восстания. Радикально решал Плеханов и вопрос об отношении к начавшейся еще в 1904 г. Русско-японской войне, считая, что поражение в ней вооруженных сил России, ослабив позиции самодержавия, будет способствовать успеху революции. По существу, по этим позициям он солидаризировался с большевиками, тогда как меньшевики требовали скорейшего заключения мира и фактического окончания войны «вничью». Все это позволило Ленину говорить об «особой позиции» Плеханова в 1905 г. и как будто давало основания для надежд на его дальнейший сдвиг влево.

Вместе с тем в 1905–1907 гг. Плеханов по-прежнему выступал за координацию действий всех демократических и либеральных сил страны, рассматривая ее как залог успеха революции. После издания царского манифеста 17 октября 1905 г. с обещанием введения в стране демократических свобод и парламентского строя появилась реальная возможность возвращения Георгия Валентиновича в Россию. Но новое обострение болезни помешало ему сделать это, что стало для 50-летнего революционера подлинной трагедией.

Декабрь 1905 г. как бы надломил Плеханова, и прежним «русским якобинцем» он уже не смог стать никогда. Остро переживал он и неоднозначное отношение в партии к его негативным оценкам Декабрьского во-

¹ Подробнее см.: Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2005.

оруженного восстания в Москве и некоторых других городах России. Неудовлетворительная подготовка этого выступления должна была, по мнению Плеханова, удержать РСДРП от призывов к решительной схватке с царизмом («не нужно было и браться за оружие»). Хотя в этой плехановской оценке и была доля истины, большевики и шедшая за ними часть рабочих восприняли ее как ренегатство, что сильно задело и без того тяжело переживавшего свое явно затянувшееся пребывание за границей Плеханова.

В 1906–1907 гг. он опять стал выступать как активный сторонник меньшевизма. На IV, а затем на V съездах РСДРП Плеханов поддержал программу «муниципализации» земли (передачу ее в руки органов местного самоуправления в противовес ленинскому лозунгу национализации, т.е. огосударствления, всех частновладельческих и общинных земель), отстаивал идею «нейтральности» профсоюзов по отношению к любым политическим партиям, требовал созыва «рабочего съезда» как противовеса интеллигентской в своем большинстве РСДРП, что грозило подорвать позиции существующих социал-демократических организаций. Все это вызвало новый взрыв возмущения со стороны большевиков, не устававших теперь говорить об оппортунизме Плеханова.

Наступившая после поражения первой российской революции полоса временной стабилизации романовского режима больно ударила по всем членам РСДРП, включая и ее вождей. Достигнутое в 1906–1907 гг. хрупкое единство РСДРП вновь становилось чистой фикцией, а Плеханов опять оказался между двух огней. Большевики отталкивали его своей тактической прямолинейностью, грубым экспроприаторством, сомнительными философскими взглядами одного из их руководителей А.А.Богданова, склонявшегося, по мнению Георгия Валентиновича, к идеализму. Но и у меньшевиков, как считал Плеханов, были свои грехи — переход части их фракции на позиции «ликвидаторства» (отказ от работы в подполье), организационная аморфность, беспринципное приспособление к столыпинской легальности. В этих условиях Плеханов возглавил немногочисленное по составу участников антиликвидаторское течение «меньшевиков-партийцев», обвинил Мартова и Аксельрода в примиренчестве по отношению к оппортунистам и в излишнем идеологическом либерализме, проявившемся, в частности, в одобрении «порочной» с его точки зрения статьи Потресова для многотомного меньшевистского издания по истории общественного движения в России в начале XX в. Там якобы были приуменьшены (опять-таки на вкус Георгия Валентиновича) его личные и всей группы «Освобождение труда» в целом заслуги в идейной подготовке создания РСДРП, с одной стороны, и явно преувеличена роль «легального марксиста» П.Б.Струве — с другой. Плеханов считал свою критику Потресова серьезной и принципиальной, тогда как сам Потресов, а также другие члены редколлегии многотомника, включая Мартова, — безосновательной и субъективной. В ответ Плеханов демонстративно вышел из состава редакционных коллегий «Общественного движения» и центрального печатного органа меньшевиков — газеты «Голос социал-демократа». Вновь ухудшились и его отношения с Лениным. Он от-

казался участвовать в созванной в 1912 г. Пражской конференции РСДРП, а в 1914 г. возглавил межфракционную центристскую группу «Единство» из меньшевиков-партийцев и большевиков-антиленинцев. Одновременно Плеханов все больше погружался в заказанную ему большую обобщающую работу по истории русской общественной мысли, которая продолжалась с 1909 по 1917 г. включительно и должна была охватить период от Киевской Руси до начала XX в. (реально ее удалось довести лишь до событий конца XVIII в.). Причиной неисполнения Плехановым взятых на себя обязательств были грандиозность самого замысла, ухудшение здоровья и нехватка необходимых литературных источников, которые отсутствовали в женеvских библиотеках. В итоге в 1914–1917 гг. в России были изданы легально только три первых тома этого труда.

Начавшаяся летом 1914 г. Первая мировая война потрясла Плеханова своими масштабами, степенью нависшей над Россией угрозы и полным развалом II Интернационала, который вдруг как бы «забыл» о международной солидарности рабочих, а его члены разошлись на время по своим «национальным квартирам». Не могло быть сомнений ни в антигуманной сущности войны, ни в коллективной ответственности всех ее главных участников за развязывание конфликта, хотя зачинщиком ее действительно стала Германия. Понятно, что в этих условиях Плеханов не мог занять ту же позицию, которую он занимал в годы Русско-японской войны. И хотя он, естественно, не был союзником русской буржуазии и верноподданным царя, но уже не мог стать и «пораженцем», как это было в 1904–1905 гг. В итоге Плеханов сделал вывод о необходимости своего рода временного моратория на классовую борьбу внутри страны и лишь осенью 1915 г., откликаясь на подъем протестного движения на родине, провозгласил вместе с частью эсеров лозунг подготовки новой революции в России во имя победы над внешним врагом, которую существующая власть обеспечить не может. Но эти призывы Плеханова носили, по сути, лишь чисто декларативный характер. Для большинства российских социал-демократов такая позиция, как и «пораженчество» Ленина, были неприемлемы, и поэтому авторитет Плеханова в России стал резко падать, тем более что сомнительные комплименты в адрес самого «здравомыслящего» русского марксиста, как называли его либералы и даже некоторые представители правящих кругов, работали скорее против, чем за «отца русского марксизма». И хотя сегодня невозможно назвать Плеханова социал-шовинистом, как это сделал в 1914 г. Ленин, но и признать его патристический лозунг «Война до победного конца!» общенародным тоже нельзя, потому что трудящиеся массы не понимали ни причин, ни целей Первой мировой войны, а ее тяготы и жертвы вызывали у них естественное стремление к миру, особенно в 1916–1917 гг.

Неожиданная победа Февральской революции 1917 г. сделала возможным возвращение Плеханова на родину. 31 марта 1917 г. через Англию, Северное море, Скандинавию и Финляндию он прибыл в революционный Петроград, где Совет рабочих и солдатских депутатов устроили ему торжественную встречу. Однако играть первые роли в политической жизни новой,

демократической России он из-за болезни уже не мог, да и рабочие за долгие годы его вынужденной эмиграции успели забыть одного из основоположников РСДРП, поскольку на слуху у них были теперь уже совсем другие имена. Совет не дал санкцию на вступление Плеханова в состав Временного правительства в качестве министра труда, и он вынужден был ограничиться ролью руководителя внефракционной группы «Единство», главного публициста ее печатного органа¹ и председателя комиссии по улучшению материального положения железнодорожных служащих. Складывалось впечатление, что меньшевики, которые наряду с эсерами вышли в то время на авансцену российской политики, просто не знали, что делать с Плехановым, а для большевиков он был уже только политическим врагом, особенно после того, как публично назвал «бредом» знаменитые “Апрельские тезисы” с призывом к социалистической революции их автора Ленина.

Сам Плеханов выступал в 1917 г. как убежденный «революционный оборонец» и сторонник доведения войны до победного конца. Он поддерживал Временное правительство, призывал к сплочению всех «живых сил» нации, включая и буржуазию (особенно показательна в этом отношении была его речь на августовском Государственном совещании в Москве), требовал ареста Ленина как лидера партии, предающей национальные интересы России (личную его честность он под сомнение, однако, не ставил). Резко критиковал Плеханов и антивоенную деятельность социалистов-интернационалистов в зарубежных странах. Неудивительно поэтому, что приход Ленина и Троцкого к власти в октябре 1917 г. Плеханов расценил как авантюру, не имеющую ничего общего с марксизмом.

Обыск, проведенный красногвардейцами на квартире Плеханова в Царском Селе 31 октября 1917 г., затем разгон большевиками и левыми эсерами Учредительного собрания 6 января 1918 г. и особенно зверское убийство 7 января пьяными матросами в больнице бывших членов Временного правительства кадетов А.И.Шингарева и Ф.Ф.Кокошкина вынудили жену Плеханова форсировать его переезд в санаторий на более спокойной территории Финляндии. Там он тихо угасал, почти забытый и теми, вместе с кем боролся за новую Россию, и теми, ради лучшей доли которых добровольно обрек себя на многолетние скитания и лишения. Похороны Плеханова, скончавшегося 30 мая 1918 г., прошли на петроградском Волковом кладбище и сопровождались многотысячным шествием представителей демократической и социалистической интеллигенции небольшевистского направления и рабочих. Возле могилы Георгия Валентиновича, нашедшего место своего последнего успокоения недалеко от могил горячо любимых им В.Г.Белинского и Н.А.Добролюбова, состоялся короткий траурный митинг, на котором выступили его близкие друзья Дейч и Засулич, забывший о былых обидах соратник по работе в «Искре» Потресов и др.

Плеханов ушел из жизни отвергнутым советской властью, не понятым абсолютным большинством народа, но морально не сломленным. В

¹ Около 100 его статей в газете «Единство» составили двухтомник «Год на родине», изданный в Париже в 1921 г.

«Открытом письме к петроградским рабочим» он называл большевистский переворот «величайшим несчастьем для всей России», чреватым гражданской войной, а поддержку большинством рабочего класса советской власти — ошибкой¹. Тем не менее он не проклинал свое революционное прошлое, не отрекался от марксизма и готов был начать все сначала, следуя его основным принципам. Характерно при этом, что к вооруженной борьбе с советской властью Плеханов никогда не призывал, рассчитывая на идеологическое «прозрение» народа и, в первую очередь, рабочих.

Коммунисты участвовать в похоронах Плеханова отказались и провели свое торжественно-траурное заседание, посвященное его памяти. Там подчеркивались его выдающаяся роль как революционера и пропагандиста марксизма в России и вместе с тем глубокие расхождения Плеханова с Лениным и большевиками, свидетельствовавшие якобы об «оппортунистическом переждении» великого мыслителя. Тем самым были заложены основы сохранявшейся потом на протяжении всего советского периода традиции, согласно которой в политической деятельности Плеханова было три главных периода — народнический, революционно-марксистский и меньшевистский, причем при анализе последнего акцент делался на идейном «грехопадении» и ошибках «отца русского марксизма».

В этой связи хотелось бы заметить, что в последние годы из отечественной историографии практически исчезло понятие «оппортунизм», которым прежде то и дело клеймили тех, кто имел смелость так или иначе отойти от линии Маркса–Энгельса–Ленина. Нельзя, однако, не признать, что подобный критерий оценок политической честности того или иного деятеля более чем сомнителен. Во-первых, все политики в той или иной степени оппортунисты, ибо они не могут не менять (и часто очень радикально) свои взгляды вслед за изменением объективной ситуации. Нередко меняли свои позиции и сами «эталонные» революционности от Маркса до Ленина, не говоря уже о том, что следующие поколения революционеров часто находили ошибки и погрешности в ряде выдвинутых ими положений. Во-вторых, полное единомыслие в рядах той или иной партии просто невозможно, а если бы и стало вдруг реальностью, то свидетельствовало, скорее, о глубочайшем кризисе или даже о политической смерти этой партии и ее вождей. Тем более подобное единомыслие невозможно среди партийных лидеров, каждый из которых является (или считает себя) совершенно уникальным и, конечно же, выдающимся (если не великим и гениальным) человеком и политическим деятелем.

Стоит отметить, что в 1999 г. в «Независимой газете» было опубликовано апокрифическое завещание Плеханова, призванное представить идеологов современного российского неокapитализма как его «наследников», так как он будто бы понял под конец жизни, что капитализму в России еще жить, жить и жить. В ходе развернувшейся в печати полемики подлинность «Завещания» была аргументированно опровергнута, хотя до сих пор остаются и те, кто верит публикаторам этого «документа»².

¹ Единство. 1917. 28 октября.

² См.: Независимая газета. 1999. 30 ноября; Там же. 2000. 4 марта, 10 июня; Свободная

Свидетельством признания выдающихся заслуг Плеханова в развитии русской общественной мысли и культуры стало создание в Москве фонда его имени, объединяющего всех обществоведов России, изучающих жизнь и творчество этого выдающегося мыслителя и политика.

В настоящее время существует довольно значительная литература о Г.В.Плеханове и его творческом наследии на русском и иностранных языках. Наибольшей популярностью у читателей пользуются следующие книги: *Иовчук М.Т., Курбатова И.Н.* Плеханов. М., 1977; *Тютюкин С.В.* Г.В.Плеханов: судьба русского марксиста. М., 1997; *Бэррон С.Х.* Г.В.Плеханов — основоположник русского марксизма (пер. с англ.). М., 1998; *Бережанский А.С.* Плеханов: от народничества — к марксизму. 2-е изд. М., 2006; *Орлов Б.С.* Г.В.Плеханов и Февральская революция 1917 г. М., 2007 и др.

Жизнь и судьба Плеханова как человека, революционера, мыслителя и политического деятеля глубоко поучительна. В его формировании ярко проявилось действие четырех главных факторов — полученного им генетического заряда, семьи, общественной среды, в которой он вращался, и эпохи, в которую ему довелось жить. При этом особую роль сыграла, конечно, та эпоха, на которую пришлась его жизнь. Родившись на переломе двух исторических периодов — крепостнического и буржуазного, он не стал служить ни старому режиму, ни бурно развивающемуся в России капитализму, связав свою судьбу с новым, восходящим классом — пролетариатом.

Для Плеханова изначально не была закрыта ни одна из возможных в тех исторических условиях для человека его круга дорог — путь верноподданного, делающего благодаря своей принадлежности к высшему, дворянскому сословию и огромным личным способностям успешную карьеру в рамках самодержавной системы; путь либерала-прогрессиста, который, работая, например, горным инженером, мог трудиться на благо России, помогать улучшению условий труда и быта рабочих и заниматься общественнополезной деятельностью на благо народа; и, наконец, путь революционера-радикала, которому не жаль было бы расстаться с тем немногим, что он имел при существующем строе, и использовать свои знания и энергию для борьбы за лучшее будущее для трудящегося большинства своей страны. Однако в конкретных условиях России 1870-х гг. Плеханов по вполне объяснимым причинам без долгих раздумий и колебаний выбрал третий, самый трудный, но по-своему и самый благородный путь борца-революционера. Если бы он

мысль — XXI. 2000. № 6; Отечественная история, 2000. № 6 и др. Характерно, что даже самый активный сторонник подлинности «Завещания» Плеханова, каким является президент «Фонда им. Г.В.Плеханова» Г.Х.Попов, признает, что «некоторые части текста явно написаны кем-то уже после смерти Плеханова» (*Попов Г.Х.* Марксистский метод против марксистской концепции... // Вопросы экономики. 2007. № 2. С 122). Попов не отлучает позднего Плеханова от марксизма и социалистической идеи и отделяет его от Бернштейна, хотя многие современные историки и политологи считают позднего Плеханова настоящим русским бернштейнианцем. Тем не менее надо отметить, что Попов не упоминает концепцию гегемонии пролетариата в революционном движении, которой придерживался Плеханов, и утверждает, что Плеханову принадлежит гениальное предвидение ведущей роли интеллигенции в производстве, науке, общественной жизни и культуре.

родился на 15–20 лет раньше, в эпоху николаевских «заморозков», все могло бы быть иначе, но после отмены крепостного права, в условиях подъема общественного движения с Плехановым закономерно случилось то, что случилось. Его стесненное материальное положение, отрыв от отчего дома, отсутствие связей с сильными мира сего, сочувствие крестьянам, достаточно близкое знакомство с лучшими представителями нового общественного класса — пролетариата и радикально настроенной демократической интеллигенции, а главное — буквально носившееся в 1870-х гг. в воздухе стремление продолжить и углубить начатые в 1861 г. реформы и реально улучшить положение трудового народа закономерно толкнули нашего героя на путь революционной борьбы. Этому в немалой степени помог и его независимый, гордый и неконформистский характер, в течение последующих 40 лет удерживавший Плеханова на добровольно избранном им в молодости пути.

Природный талант, упорство и огромная работоспособность помогли ему преодолеть свой провинциализм, компенсировать отсутствие систематического высшего образования, а с помощью жены Р.М.Боград преодолеть и материальную нужду. Бесспорно, ранняя (в 23 года) и затянувшаяся почти до конца жизни 37-летняя эмиграция, сохранившая Плеханову жизнь, а также тяжелая многолетняя болезнь сыграли с ним поистине злую шутку. Сделав его «русским европейцем» и оторвав от родины в один из самых важных и во многом решающих периодов ее развития, они помешали Плеханову по-настоящему слиться с Россией и ее народом, лучше понять обстановку на далекой родине и ее реальные нужды, отучили от принятия смелых, хотя и рискованных стратегических решений. Плеханов так и не смог преодолеть издержки, связанные с его отрывом от родины и спецификой эмигрантской среды (преобладание мелких дел, борьба личных честолюбий, уход от большой политики в сугубо бытовые вопросы и т.д.). С трудом находил он и контакт с талантливыми представителями молодого поколения русских марксистов, которые лучше него знали ситуацию в рабочем и крестьянском движении на родине и теснее, чем он, были связаны с РСДРП. В итоге Плеханов остался на уровне лучших образцов «классического» марксизма XIX в., счастливо избежав рискованных, часто неоправданных и не всегда согласовавшихся с революционной моралью ленинских политических экспериментов, но не поняв и необходимости выработки новых стратегических и тактических марксистских решений, отвечающих вызовам времени и конкретным условиям России начала XX в. Плеханов не стал ни вождем РСДРП, ни лидером политически активной части народа России, оставшись до конца своих дней в основном кабинетным ученым и социалистическим журналистом, который был недоволен и Лениным, и Троцким, и Мартовым, но который не мог предложить «свой», марксистско-плехановский вариант конкретных действий для того, чтобы вывести Россию из того тупика, в котором она оказалась к началу 1917 г.

Вернувшись наконец на родину (это был рискованный, отчаянный шаг безнадежно больного человека, который по существу ехал в родную страну умирать), Плеханов с горечью обнаружил, что в России он почти забыт,

непопулярен и практически никому не нужен, став уже при жизни неким «достоянием истории». За время его эмиграции в России выросло новое поколение политиков, в том числе и политиков-радикалов, которые были моложе, смелее, решительнее, меньше придерживались принципов традиционной морали и больше полагались на реальную силу, чем на высокие моральные качества людей. И в этом заключалась большая личная трагедия Плеханова. Финал его жизни был трудным и горьким. Сбросив с себя груз ответственности за то, что делали большевики, он не сумел увлечь массы каким-то другим радикальным социально-политическим проектом, который мог бы привлечь к нему народ, жаждавший перемен,ждавший их начала и жадно стремившийся к продолжению радикального революционного курса. В 1917 г. у Плеханова уже не было ни физических сил, столь необходимых подлинному национальному лидеру, ни ясной и понятной народу программы новых революционных преобразований, ни популярности в массах и поддержки со стороны какой-либо сильной политической партии, имеющей шансы на победу. Незадолго до смерти, уже в полубреду Плеханов, как рассказывали, поднял слабеющую руку и с угрозой произнес: «Пусть попробуют не признать!» Если бы он знал, что будет с его именем и трудами потом...

Ныне он признан как талантливый мыслитель и блестящий полемист, оставивший яркий след в истории отечественной общественной мысли и в политической истории России. Его биография по праву входит в серию «Жизнь замечательных людей», причем, несмотря на все сложные коллизии своего человеческого и политического пути, он никогда не был ни приспособленцем, ни карьеристом, ни предателем. Перед нами человек, не запятнавший себя личным участием в террористических акциях против собственного народа или их оправданием, а потому достойный всяческого уважения. Однако он не сумел предотвратить сползания России к тем во многом роковым для нее решениям и ситуациям, которые принес XX век. Пример Плеханова может вдохновлять молодое поколение россиян на то, чтобы занять активную жизненную позицию во имя торжества идеалов социальной справедливости и демократии, и вместе с тем предупредить их от ряда серьезных просчетов на этом сложном и во многом непредсказуемом пути.